
Н.В.Ракуц

Затянувшийся спор

О существовании каннибализма в Южной Америке в XVI—XVII вв.

В статье рассматриваются свидетельства существования ритуала антропофагии в Южной Америке XVI—XVII вв. Показано, что, вопреки утверждениям сторонников отсутствия данного ритуала на континенте, он действительно имел место и был тесно связан с военно-ритуальным комплексом верований южноамериканских индейцев.

Ключевые слова: антропофагия, каннибализм, карибы, тупинамба, Ганс Штаден.

Наверное, в каждой науке существуют темы, интерес к которым то ослабевает, то усиливается, но держит их «на плаву». Применительно к антропологии одной из таких «вечных» тем является проблема каннибализма у первобытных народов*.

Строго говоря, тема стара, как мир. Легенды о монстрах — пожирателях людей, обитающих где-то на окраине обитаемого мира, были известны и во времена античности и стали особенно популярны в средние века. Тогда этих чудищ нередко представляли, например, песьеглавами¹. Это было одной из составляющих европейского фольклора, представлений о чудесах, о диких и неизвестных народах (людоедах, идолопоклонниках, извращенцах и т.п.), достаточно вспомнить народные сказки. Однако со временем именно Южная Америка в массовом сознании стала считаться чуть ли не заповедником каннибализма доколумбова и раннеколониального времени, хотя известны не менее впечатляющие примеры (и более поздние): Новая Зеландия, Фиджи (где его практиковали еще в XIX в.), Новая Гвинея (где его фиксировали еще недавно) и др., но их в сумме меньше². Причина в том, что именно авторы сочинений о Южной Америке описали ритуал каннибализма наиболее подробно и независимо друг от друга, хотя и касался лишь отдельных народов, особенно одного из них — тупинамба Бразилии, а не всего населения как такового. Так, по разным описаниям,

Николай Викторович Ракуц — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра культурологических исследований ИЛА РАН (Ychma@rambler.ru).

* Из-за ограниченного объема статьи автор счел целесообразным свести к минимуму цитирование источников, на которых она основана, отдав предпочтение научным работам по данной теме.

многие народы этого континента, например, тапуя (жители внутренних районов современной Бразилии) каннибализм не практиковали никогда, практически не известен он и на территории Южного Конуса и т.д. Таким образом, имеющиеся у нас свидетельства (а они требуют очень серьезного и всестороннего изучения, при котором приходится в первую очередь учитывать условия и причины их создания, мотивации авторов и многое другое) относятся в основном к некоторым территориям современных Бразилии, Венесуэлы и Колумбии и отчасти Антильских островов. Но даже им не всегда можно доверять, остальные же свидетельства голословны или сомнительны, о чем будет сказано далее³.

Понятие каннибализма многозначно. Поэтому существует и несколько разновидностей его классификации. Предлагается различать несколько видов/вариантов каннибализма: эндоканнибализм (поедание членов своей группы, обычно в ходе погребального ритуала: например, еще недавно пили пепел после кремации у яномами на Рио-Негро); экзоканнибализм (поедание чужаков, также в ритуальных целях); гастрономический, т.е. повседневный, как составная часть рациона; медицинский (использование фрагментов организма для приготовления медицинских препаратов, что практиковалось в той же Европе до не столь уж недавнего времени); каннибализм с целью выживания в кризисных условиях (голод, эпидемии), случаи которого отмечены еще в прошлом веке в Китае, Камбодже и др.⁴.

Сегодня ученые, упростив классификацию, предлагают различать каннибализм и антропофагию: первый подразумевает употребление человеческой плоти в качестве питания, т.е. достаточно регулярно, второй — в ритуальных целях и изредка. В Южной Америке во всех на сегодняшний день достоверно известных (и даже в большинстве вызывающих сомнения) случаях мы имеем дело как раз со вторым вариантом. Таким образом, южноамериканские индейцы оказываются при таком различии не каннибалами, но антропофагами. Впрочем, оба термина часто употребляются как равнозначные, что иногда вызывает путаницу.

Справедливости ради следует отметить, что многие свидетельства об антропофагии индейцев связаны с простым фактом: например, в пищу они употребляли обезьян, которых по незнанию испанцы принимали за людей. Действительно, на первый взгляд похоже, особенно в котле в процессе варки⁵.

На распространение представлений о каннибализме индейцев сильно повлияли уже ранние первооткрыватели, начитавшиеся сочинений античных и средневековых авторов о каннибалах, якобы живших на окраинах известного тогда мира (это и Колумб, и его спутники, и Америго Веспуччи, и многие другие, которые знали сочинения Геродота, Плиния, Марко Поло). На их данных основывались художники, стремившиеся представить экзотику новооткрытого континента европейским обывателям, в большинстве своем тогда неграмотным. Таким образом, художественная продукция имела важнейшее значение в формировании представлений о Новом Свете.

Так, уже первое иллюстрированное издание «Нового Света» Америго Веспуччи (Аугсбург, 1505 г.) содержит гравюру, одно из первых изображений индейцев Бразилии, которые заняты каннибализмом как чем-то повседневным и обыденным. Этнографической точности тут нет никакой: индейцы бородатые, обряжены в перья с ног до головы. Но с тех пор за Бразилией прочно укрепилось представление как о стране каннибалов. А

Портрет Ганса Штадена (XVI в.)

появление знаменитой книги Ганса Штадена — немецкого наемника на португальской службе, попавшего в плен к тупинамба и проведенного среди них почти десять месяцев, — о его пребывании в плену у каннибалов (1557 г.) только укрепило европейскую общественность в этом мнении⁶. Обратимся к самым ранним сообщениям.

Для Нового Света «первооткрывателем» каннибалов стал Колумб, хотя, если быть точным, он их не «открыл» (традиция считать чужаков людоедами, как отмечено, существовала в Европе задолго до него, да и он искал в первом путешествии именно монстров с собачьими головами в соответствии с представлениями того времени), а «изобрел», поскольку сам каннибалов не видел,

да и введенный им термин «кариб»=«каннибал» — не более чем недоразумение, основанное на незнании местных аравакских языков: араваки называли своих врагов «каниба». Добавим также, что в ходе первого путешествия Колумб был в Новом Свете всего шесть недель, имея переводчика, владевшего арабским и еврейским языками (!), однако сумел собрать потрясающий объем информации. Вопрос в том, каким образом?

В ходе второго путешествия Колумб, якобы, застал свидетельства каннибализма на острове, названном им Доминика, но, согласно современной реконструкции его второго плавания, он на Доминике вообще не был, а посетил остров, именуемый сегодня Гваделупа, где и были обнаружены остатки, якобы, каннибальского пиршества (человеческие руки и ноги, точнее кости), т.е. следы эндоканнибальского ритуала почитания предков, действительно там распространенного⁷. Потом появились «авторитетные» свидетельства участников второго плавания Колумба 1494 г. Так, известного гуманиста Мартира де Ангьеру о каннибализме индейцев проинформировал участник этой экспедиции, тот самый, владевший арабским и еврейским языками переводчик Антонио Торрес. К тому же М.де Аньере стало известно и о содержании письма на ту же тему, написанного участником второй экспедиции Колумба доктором Альваресом Чанки властям Севильи. И Ангьера уверовал в каннибализм индейцев. Но на чем были основаны эти свидетельства? Чанка на берег практически не высаживался. Ему приносили человеческие руки и ноги, находили в хижинах обглоданные кости и черепа, развешенные словно посуда. Но откуда испанцам тогда было знать, что хранение останков в хижинах было следствием ритуала почитания предков? Даже Ангьера, поверивший во все эти рассказы, противопоставил индейское видение каннибализма (совершить его из мести и чтобы овладеть силой врага) видению испанскому (каннибализм как варварство), отметив, что обычная диета ин-

дейцев — исключительно растительная. Однако это не помешало ему объявить людоедами все население Антиль и венесуэльского побережья. За ним последовал хронист Гонсало Фернандес де Овьедо, обвинивший жителей того же побережья в том, что их главной пищей была человечина. Но, например, миф о каннибализме карибов Малых Антиль обоснован в то время так и не был⁸.

В результате путешествий Колумба были созданы два образа туземца, описанные М. де Ангьерой и утвердившиеся в народном сознании: мирные араваки и охотящиеся за ними каннибалы-карибы с их варварскими пиршествами, т.е. возникло деление индейцев на «хороших» и «плохих». Сложилась даже целая народная литература на тему о Новом Свете. Эти тексты (в основном плагиат, фрагменты, списанные у известных авторов, таких, как Колумб, Веспуччи и другие первооткрыватели, чьи труды были тогда уже опубликованы) часто снабжались иллюстрациями, учитывая неграмотность большинства населения, конструировали коллективные представления о конкисте, причем нужной направленности⁹.

У тех, кто сочинял легенды о каннибализме индейцев на островах Вест-Индии и Карибском побережье Южной Америки, да и в других местах, надо отметить, был свой, чисто материальный интерес: надо было представить индейцев как низших существ, которых можно поработать на законном основании (требовалась дешевая рабочая сила) или истреблять. Особенно в случаях, когда сопротивление конкисте было активным. Именно для карибов-каннибалов как людей, которым свойственны страшные грехи, — идолопоклонство, антропофагия, содомия и т.д., — и которых поэтому разрешено обращать в рабство, делается соответствующая оговорка в законе Изабеллы Кастильской 1503 г. В итоге в зависимости от ситуации на местах чиновники и конкистадоры, пользуясь бесконтрольностью («до Бога высоко, до короля далеко»), то объявляли одни и те же территории «карибскими», то исключали из них (например, остров Тринидад, венесуэльское побережье). При этом корона стремилась соблюсти свои интересы, запрещая обращение в рабство ее подданных, т.е. тех, кто подчинился колониальной власти и принял христианство. Однако на практике достаточно было простого подозрения в каннибализме. Первоначально территория каннибалов ограничивалась Малыми Антилами и районом г. Картахены в современной Колумбии, но затем с легкой руки Веспуччи и др. ареал был быстро расширен от Бразилии до Мексики. Фактически происходил процесс «каннибализации» Нового Света. Этому пыталась противостоять церковь, ведь индейцы были признаны людьми самим папой, однако ей возражали, что индейцы якобы деградировали и утратили память о божеских заповедях. Иллюстраторы усердно переносили на индейцев средневековые представления о монстрах, приобретающих на их гравюрах некий карнавальский оттенок, вплоть до того, что сами каннибальские пиршества изображались, как готовившиеся и проводимые по европейским кулинарным законам, т.е. подобно распределению мяса свиней на христианских праздниках (готовка на барбекю, хранение мяса в домах и т.д.). Причем эти пиры, якобы, устраивались в чисто практических целях. Главной идеей была необходимость превратить эту ужасную анти-Европу в культурный мир¹⁰.

Убийство пленника. Гравюра Теодора де Бри (1592 г.)

ства, прежде всего этнографов. Еще в 1920 г. венесуэльский ученый Хулио Сесар Салас в своей книге о мифе о каннибалах-карибах убедительно показал, что в их среде была лишь антропофагия, т.е. ритуальный каннибализм. Этот вывод он сделал на основе описания обычаев индейцев области Кумана у хрониста Педро де Агуадо, который составил его со слов некоего очевидца. Этот же ритуал позже был зафиксирован и кое-где на Малых Антилах: после удачного боя пленного вождя противника приводили к правителю и его приближенным. После пыток и медленного умерщвления пленника готовили и съедали. Но делали это именно члены правящей элиты, остальной народ в этом не участвовал. Х.С.Салас основывался на том, что, как правило, сведения о каннибализме были или непрямые, или откровенно подтасованные.

Но все-таки в Карибском бассейне зафиксированы и не подлежащие сомнению случаи каннибализма. Всегда только ритуального, что подтверждает выводы Саласа. Например, испанские источники категорически отвергают гастрономический каннибализм, но сообщают о ритуалах эндоканнибализма, а также о поедании пленников в ходе исполнения ритуалов, связанных с инициацией воинов. Так, по данным французских авторов, карибы Малых Антил поедали павших врагов на месте боя, а пленных убивали после оскорблений и истязаний. В Гвиане, вопреки европейским мифам, ритуал был не очень распространен, один из членов знаменитой экспедиции Уолтера Рэйли вообще писал, что войны велись ради женщин. Впрочем, есть и сообщение о поедании женщин и детей врагов после их смерти под пытками, а иезуитского миссионера Пьера Пельпра еще в середине XVII в. пытались угостить рукой и ногой аравака, убитого в низовьях Ориноко. Вряд ли ему надо было выдумывать такой случай. Если кто и повлиял на распространение этой практики в Гвиане, то, скорее, европейцы: так, их союзники-карибы ели негров, убитых при разгроме восстания рабов на реке Бербис в 1763 г. Голландцы, люди практичные, надо полагать просто пожалели провианта для союзников¹¹.

Именно эта материальная заинтересованность конкистадоров обвинять в каннибализме индейцев (они были представлены людоедами, чьей основной пищей были чужаки, захваченные во время постоянных войн), их стремление демонизировать индейцев и принятие первыми исследователями-американистами на веру всех испанских и португальских свидетельств вызвали со временем справедливую реакцию научного сообщества.

Все прочие зафиксированные случаи практики каннибализма в северной части Южной Америки также не оставляют сомнений в том, что это был именно ритуальный каннибализм. Бывало, когда этот обычай применялся в отношении только одного конкретного народа (именно карибов как врагов ели араваки на Ориноко, миранья поедали омагуа на Амазонке). Явно ритуальным каннибализм был и у тех же омагуа, у племен на реке Путумайо (уитото) и кубео верхней Амазонки. Но в данной статье у нас нет возможности анализировать эти случаи подробно.

Пиршество женщин. Гравюра Теодора де Бри (1592 г.)

Согласно имеющимся источникам, каннибализм был широко распространен в долине реки Каука и ее окрестностях в Колумбии. Среди сообщивших о такой местной традиции авторов — сам Педро Съеса де Леон, «князь хронистов», никем до сих пор не заподозренный в деле фальсификации фактов. Чибча Колумбии тоже поедали взятых в плен на войне, принося их в жертву богам, даже без различия пола и возраста. Но, как сообщают источники, кимбая в той же Колумбии ели человечину лишь по особым случаям¹².

Сами индейцы были убеждены в том, что истинные каннибалы — это как раз испанцы, поскольку наблюдали их в ситуациях, когда такие факты действительно имели место, и нередко. Чаше всего поедались погибшие или пленные индейцы, однако бывало, что и свои. Один такой факт описал Съеса де Леон, другой хорошо известен по сведениям об осаде Буэнос-Айреса в его первое основание (1536 г.), когда испанцы ели тех из своих, кто погиб от болезней, ран, голода, и просто казненных за проступки (например, съели лошадь). Но здесь речь шла не о ритуале, а именно о голоде, когда ели, все, что можно. У известного своими приключениями Альвара Нуньеса Кабеса де Ваки описан случай, когда члены экспедиции к берегам Флориды после разгрома их индейцами, оказавшись на территории нынешнего Техаса, занимались поеданием своих погибших, чем вызвали отвращение местных индейцев, не понимавших, как до такого можно было дойти¹³.

Теперь перейдем к наиболее известным свидетельствам о каннибализме среди индейцев Бразилии, точнее береговых групп тупи. Об этом явлении писали многие авторы, уроженцы разных стран и в разное время, но именно на них обрушилась (и этот процесс продолжается до сих пор) резкая критика со стороны ученых, категорически отрицающих факты каннибализма. Надо полагать, что именно изобилие материала дало для этого ос-

нование. Вкратце эти свидетельства можно свести к следующему: попавшего в плен приводили в селение, где женщины встречали его танцами. Он оставался на попечении взявшего его в плен, ему давали жену, иногда и не одну, из семьи того же воина. Их обязанностью было хорошо откормить пленника и стеречь его, хотя тот и не пытался бежать: дома его встретили бы, как труса. В назначенный советом деревни день пленного, с соблюдением определенных ритуалов, убивали, жарили и съедали всем коллективом, с участием приглашенных из других деревень. Убийца (тот, кто взял в плен) в пиршестве не участвовал, ему приходилось поститься. Но он получал новое имя (чтобы избежать мести со стороны сородичей пленника) и шрам на теле, как отметку его доблести. Это повышало его статус и престиж в группе, единство которой сплачивалось общим участием в ритуале. Во взрослое состояние вообще переходили только после убийства первого врага, и только потом можно было жениться. Взрослый же воин после ритуала мог, например, взять себе еще одну жену.

Особенно подробно, в деталях, описал все это Ганс Штаден в упомянутой нами книге. Сведения других авторов, писавших о том же независимо (как бы ни пытались доказать обратное, об этом см. далее) от него — обычно более краткие, но в целом, несмотря на некоторые вариации, с его данными совпадают¹⁴.

Описания каннибальского ритуала стали широко известны уже в XVI в. также и благодаря иллюстрациям. Таковые делал к своей книге еще сам Штаден. А затем на основании его рисунков и сообщений миссионеров Андре Теве, Жана де Лери и других авторов опубликовал свои знаменитые гравюры Теодор де Бри. Правда, внеся свою правку как раз отнюдь не в пользу этнографической достоверности (например, заменяя уже бытовавшие тогда у тупи железные топоры на каменные). Он также демонизировал образы старых женщин — участниц обряда. Но это — наследие европейского еще средневекового искусства (старухи суть колдуньи, ведьмы). Ритуал представлен как некий банкет, где каждый ест, что хочет. По источникам картина выглядит иначе: мясо в основном доставалось мужчинам-воинам, женщинам же (хотя они играли основную роль в процессе приготовления) и детям отдавались остатки, употреблявшиеся обычно в виде супа. На заклятие чаще обрекался один пленник, редко несколько, но на праздник приходили еще и жители соседних союзных деревень. А доля, установленная традицией, должна была достаться каждому присутствующему, как бы она ни была мала¹⁵.

Неудивительно, что именно на Штадена как на автора, добросовестно описавшего все это, обрушился шквал критики противников существования каннибализма.

Работа о каннибальском мифе Саласа, оставшаяся малоизвестной, в 1979 г. продолжена в книге американского антрополога Вильяма Аренса «Миф о каннибализме», в которой он пытался доказать, что никакого каннибализма в мире вообще никогда не существовало, что миф о нем создавался в интересах колонизаторов. Особое внимание В.Аренс уделил как раз наиболее известным свидетельствам о людоедах-тупинамба бразильского побережья. Эта работа получила разную оценку научной общественности — от полного неприятия, до восторженно положительных отзывов. Полемика вокруг нее продолжается до сих пор и фактически расколола

антропологическое сообщество на два лагеря. Справедливости ради надо отметить, что большинство ученых не поддерживают позицию Аренса и его сторонников из-за ее слабой доказательной базы.

Однако многие видные специалисты сразу поставили под сомнение выводы Аренса, который огульно отрицал очевидное. Разумеется, все сведения надо проверять, никто не отменял критику источников. Но нужно уметь и признать их справедливость, если они доказаны. Причина понятна: нежелание некоторых учитывать достоверные свидетельства, пусть в большинстве и косвенные, еще не есть доказательство их отсутствия.

В данном случае полезно разобрать аргументы Аренса и его последователей именно в отношении одного из самых известных источников об антропофагии — книги Штадена о его пребывании в плену среди береговых тупинамба Бразилии в 1555 г., которого Аренс, как мы уже отмечали, избрал чуть ли не основной своей мишенью для критики. Оправдан такой разбор именно потому, что несколько лет назад сочинение Штадена вновь подвергла критике уже целая группа ученых-исследователей проблемы из Латиноамериканского института Свободного университета Берлина (впрочем, с теми же дефектами в доказательствах, что и книга Аренса)¹⁶.

Почему мишенью критики был выбран именно Штаден? У него, как было отмечено выше, наиболее детально описан каннибальский ритуал тупинамба. Но ведь не только у него одного. Об этом же ритуале писали французские миссионеры: Андре Теве и Жан де Лери (участники французской экспедиции в район будущего Рио-де-Жанейро в середине XVI в.); Клод д'Аббевиль и Ив д'Эвре в начале XVII в., проповедовавшие совсем в другом месте — на территории Экваториальной Франции (г. Сан-Луис на севере Бразилии); португальские иезуиты в своих многочисленных письмах (XVI в.) и колонист из Баии (Сан-Салвадора, северо-восток Бразилии) Габриэл Соарес де Соза (1587 г.). О ритуале также упоминали, пусть кратко, и другие (Луис Рамирес, участник экспедиции Джона Кабота в район будущего Буэнос-Айреса в 1528 г.). Несколько ранее о каннибальском ритуале писал, со слов некоего очевидца, Антонио Пигафетта, повествуя о путешествии Фернандо Магеллана (хотя берлинские критики утверждают, что в первые 30 лет после открытия Бразилии об этом обряде после Веспуччи якобы никто не писал), несправедливо почти забытый англичанин Энтони Найвет, проведший в португальском рабстве 10 лет за участие в корсарском рейде в Бразилию в конце того же XVI в.¹⁷. Аренс не только просто проигнорировал многих из них (тех же Лери и Найвета, и даже письма иезуитов — из 40 изданных, например, в Канаде, томов он умудрился использовать всего лишь один), но и пытался доказать, что все авторы просто списывали друг у друга, тем более что даты написания текстов, якобы, трудно установить. На самом деле все эти труды сегодня довольно четко датированы, и как раз из этого следует, что списать друг у друга их авторы просто не могли¹⁸. Последователи Аренса, однако, и сегодня повторяют те же предположения. Но аргумент «мы предполагаем, что...» не является аргументом, если нет реальных доказательств. А именно на предположениях и строится вся критика. Жан де Лери был в этом смысле провидцем, когда, случайно познакомившись с книгой Штадена через 20 лет после ее издания благодаря ее переводу на французский одним из его друзей,

Каннибальский «банкет» в представлении европейцев. Гравюра Теодора де Бри (1592 г.)

заметил, что его самого будут теперь обвинять в плагиате (а его сочинение было издано за 8 лет до этого, в 1578 г.)¹⁹.

Не менее смешным выглядит утверждение, что Штаден или просто выдумал всю историю, или списал у Теве (за год до выхода в свет книги последнего и которого он в глаза не видел да и при том, что его собственная книга вышла раньше, чем сочинение Теве) или что Штаден и Теве, например, пользовались одним и тем же источником, так как их книги вышли-де

почти одновременно. Где этот якобы источник, и на каком языке он был? На французском? Кто автор? Ответов нет. Добавим, что у Штадена были проблемы с французским языком, да и во Франции уже по возвращении он был только проездом²⁰.

Таким образом, от идеи плагиата приходится отказаться, хотя критикам этого делать не хочется. Любопытно, что авторы — кто более, кто менее подробно — описывают ритуал в целом одинаково, хотя и нельзя сказать, что одними и теми же словами, что как раз скорее подтверждает, а не опровергает их данные. Получается, что ритуал был уже давно традиционным, строго установленным, поэтому разные авторы и описывали его сходным образом. Попытки доказать, что ритуал не мог практиковаться потому-де, что не нравился европейцам, не выдерживают критики. Авторы часто писали о независимых индейских общинах — какое им было дело до мнения европейцев (чаще всего, к тому же, врагов)? Да и даже друзей, как показывает случай казни и съедения в Сан-Луисе уже при обосновавшихся там французах рабыни одного вождя, обвиненной в адюльтере, или, как следует из описаний Ж. де Лери, посещавшего индейские деревни²¹.

Еще в 1985 г. вышла блестящая статья американского исследователя Дэниэла Форсайта «Да здравствует Ганс Штаден!», в которой были прекрасно продемонстрированы пристрастность Аренса, его желание доказать свою «теорию» даже вопреки фактам, точнее — как нередко делается в подобных случаях, — отбирая только те факты, которые не противоречат новой «теории». И попытка использовать тот факт, что те читатели, кому была адресована книга Аренса, не были знакомы с темой, была предпринята с определенным риском: авось не станут проверять. Далее критику Форсайта дополнил канадский исследователь Шон МакЛафлин (2005), прежде всего на материале Океании, но не только. Оба отметили, например, что Аренс обвинял иезуитов в плохом знании индейских языков, поэтому они и писали всякие небылицы. Да, они знали эти языки настолько «плохо», что даже

были авторами их грамматик и словарей. Да, конечно, «плохие» иезуиты участвовали в создании фальсификаций о каннибализме индейцев, но возникает вопрос — зачем? Получается, что они полвека лгали самим себе и собственному начальству в письмах. Вряд ли начальство простило бы им такую ложь²².

Увы, несмотря на разницу во времени, о статье последователей Аренса и системе их «доказательств» можно сказать практически то же самое. А на контрдоказательства Форсайта и Лафлина они стараются внимания не обращать. Им отвечают «взаимностью».

Критики Штадена пытались и пытаются доказать, что его книга — вымысел, поскольку он, якобы, не знал иностранных языков: вот даже с французом не смог нормально общаться (что для немца того времени не так уж и удивительно). Но как раз язык индейцев-тупи он, вопреки заявлениям критиков, знал (просто не мог не знать), поскольку к тому времени уже прожил в Бразилии довольно долго (примерно три года). А тогда и местные португальцы с индейцами вообще общались именно на тупи. Как бы Штаден мог общаться хотя бы со своим же рабом-индейцем?

Аренс утверждал также, вопреки фактам, что Штаден много выдумывал, потому что написал книгу через девять лет после возвращения. На самом деле — менее чем через два года.

Аренс даже обвинил Штадена в сексизме: очень уж критически он относился к индейским женщинам как раз в связи с их активным участием в каннибальском ритуале. Но чего в данной ситуации от него можно было ожидать? Может быть, именно поэтому он вообще опустил повествование о своей «временной жене», чтобы не заострять на этом моменте внимание читателей? При том, что сам же писал, что всем пленникам таких жен давали. Но тогда и ему должны были дать. Впрочем, один раз он все же проговорился: в сцене, когда его увозили французы, среди индейцев, поднявшихся на корабль, была одна женщина, которая оплакала его отъезд. Вероятно, это и была его «жена».

Аренс настаивал на том, что Штаден не мог лично видеть ритуал. Но почему? Он же пробыл в плену почти десять месяцев. Никаких твердых сроков принесения в жертву, судя по всему, не устанавливали: в одних случаях это могло быть несколько дней, в других — месяцев или даже лет. У Найвета описан случай, когда в его присутствии съели одного за другим 12 попавших в плен португальцев. На каждую жертву было выделено по три дня²³.

В целом не доверять Штадену и другим источникам, описывающим ритуал антропофагии у тупи, оснований, получается, нет. Раз они друг у друга не списывали, то каким образом смогли так единообразно «нафантазировать» себе несуществовавший ритуал? И как раз тут критики Штадена нашли, как им кажется, блестящее объяснение: Теве, Лери и Штаден якобы основывались на данных французских толмачей-посредников, которые в своих интересах и сочиняли все эти байки о каннибализме тупинамба, дабы сохранить свое привилегированное положение посредников между двумя мирами. В итоге и появились все эти совпадения в повествованиях о каннибализме индейцев, которые и были приняты учеными в качестве подтверждения их достоверности²⁴. Получается интересно: однажды французы-переводчики устроили общее собрание, на котором согласовали текст

того, что они должны всем докладывать и заставили его запомнить всех присутствовавших, дабы не было расхождений. И это на территории от современных Рио-де-Жанейро до Сан-Луиса. То есть создано было некое французское информационное бюро, которое и отвечало за распространение нужной для его организаторов информации. Можно ли в здравом уме в это поверить? Но тогда можно предположить, что Штаден и в плену не был, а сидел себе в форте Бертиога близ Сан-Висенти и, якобы, писал свои записки пленника со слов врагов французов (где же он их тогда нашел?).

Что подтверждает, а отнюдь не опровергает материалы Штадена и других источников — замеченная ими ритуализованность жизни селений тупинамба, в том числе и в применении к антропофагии: важную роль играли танцы. Того же Штадена именно танцем и соответствующими возгласами женщины встретили уже при входе в деревню. Но аналогичным способом встречали и других гостей, например, союзников. Кстати, в положении именно гостя, а не пленного, человек не подвергался риску стать ритуальным блюдом, в нем не видели врага, чужака. Об этом писал хотя бы тот же Лери.

Отношение же к пленнику менялось в процессе встречи — от враждебного до дружественного. С получением жены он становился для своего пленителя «тобажара» (слово означало одновременно и врага, и шурина, так как в жены ему отдавали сестру или дочь). Ее (или их, жен могло быть несколько) обязанностью было стеречь пленника, хотя они обычно и не стремились бежать, предпочитая славную гибель. Это с удивлением отмечали те же миссионеры-иезуиты, когда пытались выкупать таких пленных. Те просто отказывались. Аналогичный случай описал и Ж. де Лери²⁵.

Перед казнью пленного организовывалась большая попойка, опять же с танцами, инсценировались побег пленника и его поимка, его украшали, он символически сопротивлялся, происходил ритуальный диалог между ним и палачом перед решающим ударом палицей.

Если у пленного уже был ребенок, его ждала та же участь (не всегда сразу), поскольку при патрилинейной системе родства у тупинамба его дети принадлежали к группе «врага». С пленными женщинами и девочками могли поступить так же, как и с мужчинами, хотя это случалось реже — их оставляли как сожительниц и т.п.²⁶

На ритуальный характер антропофагии указывает и сам способ ведения войны. Европейцев всегда поражал тот факт, что тупи вели войну не из материальных побуждений, а ради мести за погибших сородичей и славы. Что касается пленника, то его амбивалентное положение в течение всего периода пребывания у тупинамба наводит на мысль о его особой ритуальной роли: он что-то вроде чудища и сверхъестественного существа одновременно. В финальной фазе ритуала участвуют все жители поселка, т.е. пленник как бы принимает на себя все беды и внутренние неурядицы группы, его совместное потребление снижает накал насилия внутри коллектива, сплавливает его, оставляя в благополучии. В то же время пленник передает группе свою силу и отвагу и укрепляет ее связь с предками. Не говоря уж о том (но это — особая тема), что символически акт антропофагии помещается в мифический цикл о поедании небесным ягуаром Луны (затмения), о восходе Плеяд, летнем солнцестоянии, что отмечает начало

сезона войны²⁷. Таким образом, содержание и смысл ритуала многозначны, как, надо полагать, и у других действий подобного рода, о которых мы сегодня знаем гораздо меньше, ибо так подробно, как в случае с тупинамба, они нигде не описаны.

Что можно сказать относительно критиков? Их характерная черта, как уже отмечалось выше, грубое искажение фактов, недостойное ученого. Например, берлинские критики утверждают, что все, что касалось ритуала каннибализма, Лери видел разве что издали, поскольку его заперли вместе с женщинами в хижине. Но, согласно всем прочим источникам, в каннибальском ритуале самое активное участие принимали именно женщины. Тогда почему так? Простое обращение к тексту Лери проясняет ситуацию. Имеет место грубая фальсификация, лишь бы доказать свою «теорию», что Лери не мог быть очевидцем ритуала антропофагии. Но речь шла вовсе не об этом, а о приходе в деревню странствующих шаманов. Согласно обычаю женщинам при этом присутствовать действительно не полагалось, а Лери, видимо, заперли с ними как чужака²⁸.

Именно эти дефекты критики каннибализма, стремление во чтобы то ни стало доказать свои постулаты, не останавливаясь перед подтасовкой и извращением фактов, являются не более чем очередным выражением евроцентризма²⁹ и служат причиной того, что серьезные ученые эту критику не принимают в расчет. Это видно на примерах публикаций по теме за последние годы: спорить с теми, кто не хочет видеть очевидное — бессмысленная трата времени. К тому же критикам, настаивающим на том, что прямых достоверных свидетельств практики каннибализма нет, полезно перечитать работы авторитетного английского этнолога Артура Мориса Хокарта, который в одной давней своей статье прекрасно продемонстрировал важность свидетельств косвенных³⁰.

Гораздо интереснее разобраться в вопросе, почему каннибализм (хотя, разумеется, далеко не в таких масштабах, как писали заинтересованные в закабалении индейцев авторы) все же имел место? Более того, можно с уверенностью утверждать, что именно вторжение европейцев, сопровождавшееся ростом военной конфликтности и депопуляцией в результате занесенных болезней, стало причиной того, что прежде редко практиковавшийся обычай стал повседневной реальностью. В другой ситуации сложно было бы представить себе описанный Найветом случай (см. выше), когда 12 португальцев были съедены немногим более чем за месяц. Аналогичный пример — факт ирокезских войн, когда ирокезами истреблялись или инкорпорировались в свой состав другие группы³¹. Каннибализм имел тесную связь с военно-ритуальным комплексом у многих индейских народов (у бразильских вари, например, еще в прошлом веке, и они не скрывают этого, хотя, если следовать мнению критиков, должны были бы, а то — что «белые» о них подумают?). Случаи каннибализма еще недавно отмечались в Гвиане (данные оттуда многое объясняют и в ритуале тупинамба). Сам акт связан с вызовом накануне выступления в поход духа Ягуара, который придавал мужчинам свирепости, вселяясь в них и позволяя победить врага. После этого ему полагалось дать вкусить добычи. Но затем нужно было вернуться в нормальное состояние, в нормальную жизнь, перестать быть одержимым духом мести. Эту роль и выполняла коллективная каннибальская трапеза у гвианских карибов, что, и с этим вряд ли можно не согла-

ситься, напоминает и практику тупинамба. В Гвиане, согласно позиции крупнейшего английского специалиста по индейцам Карибского бассейна Лайонела Уайтхеда, до сих пор встречаются каннибальствующие убийцы-канаима, одержимые духом Ягуара, только теперь они, как и известные люди-леопарды в Африке, действуют в одиночку³².

Все изложенное выше позволяет прийти к следующим выводам. Никаких оснований отвергать существование в прошлом ритуалов антропофагии у разных народов у нас нет. Все попытки доказать обратное свелись к подтасовке фактов в расчете на то, что читатель поленился проверить то, что написано «авторитетными учеными». И пока критики каннибализма будут действовать такими методами, им не удастся поколебать убеждение в достоверности сочинений Штадена, Лери и др. Другое дело, что антропофагия — ритуал сложный, многозначный по содержанию и может изучаться с разных позиций. Что и делают современные исследователи, верящие в его реальность.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ См.: P.V i g n o l o. *Cannibali, giganti e selvaggi*. Milano, Bruno Mondadori, 2009; C.J.C l a r k e. *They Were as We Were*. Master Thesis. Saskatoon, University of Saskatchewan, 2009, p. 60-61.

² S.L i n d e n b a u m. Thinking about Cannibalism. — *Annual Review of Anthropology*, Vol. 33, 2004, p. 479.

³ См., например: A.M é t r a u x. Warfare, cannibalism and human trophies. — *Handbook of South American Indians*. Washington, GPO, 1949, pp. 400, 403-406.

⁴ S.L i n d e n b a u m. Op. cit., p. 477-479.

⁵ N.L.W h i t e h e a d. Carib Cannibalism. The Historical Evidence. — *Journal de la Societé des Americanistes*, Tome 70, 1984 p. 83.

⁶ U.F l e i s c h m a n n, M.R o h r i g A s s u n ç ã o, Z.Z i e b e l - W e n d t. Os Tupinambá. Realidade e ficção nos relatos quinhentistas. - *Penélope: Estudos*, 14, 1994, p. 27-28; S.M a r t í n e z M o r e n o. Una revisión al imaginario europeo sobre la antropofagia y el canibalismo en la zona frontera en América y Chile. — *Cuadernos de Historia Cultural*, n.2, Viña del Mar, 2013, p.132; C.L.N u n e s A l d a o. *Isla de Vera Cruz, Terra de Santa Cruz, Brasil: invensão y reinvenção del espacio discursivo en el Brasil colonial*. — *Mester*, Vol. XXX (1), p.82.

⁷ N.L.W h i t e h e a d. El Dorado, Cannibalism and the Amazons – European Myth and Amerindian Praxis in the Conquest of South America. — W. Pansters & J. Weedenburg, eds. *Beeld en Verbeelding van America*. Utrecht: 1, 1992, p. 64

⁸ L.B l a n e y. Colón y el cannibal. — *Divergencias*, Vol. 6, Num. 1, 2008, p. 3-5; S.H.C l a u z e l. The Myth of Cannibalism and Warlike Caribs of the Lesser Antilles. — Available at: www.scribalstlucia.com, p. 3,5; R. de M a e s s e n e e r. Saberes y sabores en Pedro Mártir de Angleria. — *Revista Casa de la Américas*, n. 247, 2007, p. 28-31; Д.А.Ч а н к а. Письмо доктора Чанки властям города Севильи. — И.П. Магидович (ред.) Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы. Москва, ГИГЛ, 1956, с. 263-264 [D.A. Chanca. Pis'mo doktora Chanki vlastiam goroda Sevilyi.— I.P. Maguidovich (ed.) Puteshestvia Hristofora Kolumba. Dnevniky. Pis'ma. Dokumenty [D..A. Chanca. The letter of Dr. Chunca to the authorities of the city of Seville. I. P. Magidovich (ed) journeys of Christopher Columbus. Diaries. Letters. Documents].. Moscow, GIGL, 1956, p. 263-264; Т.М о т о х а ш и. The Discourse of Cannibalism in European Travel Writings in the 16th and 17th Centuries, pp. 96, 98 — Available at: www.repository.tku.ac.jp/dspace/.../jinbun135-07.pdf ; Э.Г.А л е к с а н д р е н к о в. Индейцы Антильских островов до европейского завоевания. М., Наука, 1976, с.188, 199, 203 [E.G. Alersandrenkov. Indeytsy Antilskih ostrovov do evropeyskogo zavoevaniya] [The Indians of the Antilles prior to European conquest]. Moscow, Nauka, 1976, pp. 188, 199, 203].

- ⁹ P.Vignolo. Op. cit., p. 78.
- ¹⁰ L.Blaney. Op. cit., p. 3-10; N.L.Whitehead. *Carib cannibalism...*, p.70-71, 74; P.Vignolo. Op. cit., p.79-84.
- ¹¹ Э.Г.Александренков. Op. cit., p. 178; N.L.Whitehead. *Carib Cannibalism...*, p. 77-80.
- ¹² A.Métraux. Op. cit., p. 402-406.
- ¹³ N.L.Whitehead. *Carib Cannibalism...* p. 83; R.Piqueras Céspedes. *Antropófagos con espada: los límites de la conquista*. — *Boletín americanista*, n. 45, 1995, p. 261-270; L.G.Assis Kalil. *Os canibais tonsurados: a antropofagia nas crônicas de Schmidl, Staden e Léry*. — *Anais Eletrônicos do VIII Encontro Internacional da ANPHLAC*, Vitória, 2008, p. 261-270.
- ¹⁴ A.Métraux. Op. cit., p. 400-402; H.Staden. *La mia prigionia fra i cannibali*. Torino, EDT, 1991, p. 127-133; A.Thevet. *Le singularité della Francia Antartica*. Reggio Emilia, Diabasis, 1997, p. 120-122; P.de Magalhães Gândavo. *Historia da provincia Sancta Cruz*. Lisboa, 1576, cap. 12; G.Souares de Sousa. *Tratado descriptivo do Brasil em 1587*. Rio de Janeiro, 1879, p.304—306; J.de Léry. *Viagem à terra do Brasil*. S.l., 1961, cap. XV; A.Knivet. *The Admirable Adventures and Strange Fortunes of Master Antonie Knivet Which Went with Master Thomas Candish in His Second Voyage to the South Sea*. 1591. — S. Purchas (ed.). *Hakluytus Posthumus or Purchas His Pilgrimes*, vol XVI, cap. VII. Glasgow, James McLehose and Sons, 1906, p.222-223; F.de Freitas Campos. *Antropofagia ritual das povos Tupinambá nas cartas jesuíticas de meados do século XVI*. Monografia de Graduação, Universidade de Brasília, 2013.
- ¹⁵ Y.Aucardo Chicangana. *El festín antropofágico de los indios tupinambá en los grabados de Theodoro de Bry, 1592*. — *Fronteras de la Historia*, ICAHN, Bogotá, Num. 10, 2005, p. 45.
- ¹⁶ U.Fleischmann, M.Rohrig Assunção, Z.Ziebel-Wendt. *Os Tupinambá Realidade e ficção nos relatos quinhentistas*. — *Penélope: Estudos*, 14, 1994, p. 23-42.
- ¹⁷ *Ibid.*, p.27; L.Slomp Giron. *Memórias de um escravo inglês no Brasil*. — *Métis*, v. 6, n.12, p. 299, 300; L.Ramírez. *Carta de Luis Ramírez a su padre desde el Brasil (1528)*. — *Textos de la revista Lemir*, 2007, p. 23; А.Пигфетта. *Путешествие Магеллана*. — А.Пигфетта. *Путешествие Магеллана*. М. Митчелл. Эль-Кано — первый кругосветный мореплаватель. Москва: Мысль, 2000, с.45-46 [A.Pigafetta. *Puteshestvie Magellana*. — A. Pigafetta. *Puteshestvie Magellana*. М. Mitchell. El-Kano — pervy krugosvetny morerplavatel'] [A.Pigafetta. *Magellan Travel*. — A. Pigafetta. *Magellan Travel*. М. Mitchell. El Kano — the first round-the-world sailor]. Moscow, Mysl', 2000, pp. 45-46.
- ¹⁸ D.W.Forsyth. *Three Cheers for Hans Staden: The Case of Brazilian Cannibalism*. — *Ethnohistory*, Vol. 32, No.1, 1985, p. 28; S.McLaughlin. *Cannibalism and Easter Island: Evaluation, Discussion of Probabilities, and Survey of the Literature on the Subject*. — *Rapa Nui Journal*, Vol. 19 (1), 2005, p.32.
- ¹⁹ D.W.Forsyth. Op. cit., p.30.
- ²⁰ U.Fleischmann, M.Rohrig Assunção, Z.Ziebel-Wendt. Op. cit., p. 35-36; E.M.Duffy, A.C.Metcalf. *The Return of Hans Staden*. Baltimore, The John Hopkins University Press, 2012, p. 72.
- ²¹ U.Fleischmann, M.Rohrig Assunção, Z.Ziebel-Wendt. Op. cit., p. 37; J.Reivair Macedo. *Idolatria e canibalismo em relatos de missionários capuchinhos no Brasil e no Congo do século XVII*. — *História: Debates e Tendências* v.15, n.1, 2015, p. 219-220; J.de Léry. Op. cit., cap. XVIII.
- ²² D.W.Forsyth. Op. cit; S.McLaughlin. Op. cit., pp. 32-33.
- ²³ D.W.Forsyth. Op. cit.; A.Knivet. Op. cit.; p. 222-223.
- ²⁴ H.E.Martel. *Hans Staden's Captive Soul*. — *Journal of World History*, Vol. 17., No. 1, 2006.
- ²⁵ D.Meira. *Canibalismo Tupinambá: um discurso para escravização*. — *Anais do XV encontro regional de história da ANPUH*, p.14; F.de Freitas Campos. *Antropofagia ritual das povos Tupinamba nas cartas jesuíticas de meados do século XVI*. Monografia de Graduação, Universidade de Brasília, 2013, p.26; C.Fausto. *Fragmentos de história e cultura tupinambá*. —

M. Carneiro da Cunha (Org.) História dos índios no Brasil. São Paulo, Companhia das Letras, 1992, p.392; J. de Léry, cap. XV.

²⁶ F. de Freitas Campos. Op. cit., p.27; R.Cymbalista. Antropofagia, incisões corporais, terra-sem-mal. — Oculum Ensayos 13, 2011, p.143; E.K.Gualbero de Farias, S.C.Cordeiro de Almeida, R.Pinto de Medeiros. As Tupi que comem e as que são comida. — Clio, 33, Num. 1, 2015, p.218.

²⁷ N.L.Whitehead. [Review :] Combes, Isabelle. La tragédie cannibale chez les anciens Tupi-Guarani. — Journal de la Société des Américanistes, Tome 79, 1993, p. 316.

²⁸ J. de Léry. Op. cit., cap. XVI.

²⁹ E.K.Gualbero de Farias, S.C.Cordeiro de Almeida, R.Pinto de Medeiros. Op. cit., p. 211.

³⁰ A.M.Xокарт. Критерии оценки свидетельств. — Природа. 1985, № 12 [A.M. Hocart. Kriterii otsenki svidetel'stv] [Assessment criteria evidence]. Priroda, 1985, No. 12.

³¹ C.L.Nunes Aldao. Op. cit., p. 84; N.L.Whitehead. Hans Staden and the Cultural Politics of Cannibalism. — Hispanic American historical Review, N. 80:4, 2000, p. 750.

³² N.L.Whitehead. El Dorado, Cannibalism and the Amazons..., p. 64-65.

Nikolai V.Rakutz (Ychma@rambler.ru)

PhD, Senior Researcher, Center for Cultural Studies, Institute for Latin American Studies, RAS, Moscow.

Too prolonged dispute. About the existence of cannibalism in South America in XVI—XVII century

Abstract. The article discusses the evidences for the existence of ritual cannibalism in South America, XVI-XVII centuries. The author shows that, contrary to the claims of the supporters of the absence of the ritual on the continent, it really took place, and was closely associated with the military-ritual complex of the beliefs of Brazilian Indians.

Key words: Anthropophagy, cannibalism, caribs, tupinamba, Hans Staden